

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

Наталья Шалыгина

**РУССКИЕ
АМЕРИКАНЦЫ
ПОИСК НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ**

МОСКВА
2021

УДК 394.014+316.48
ББК 74.005.2+63.3
Ш 18

*Монография подготовлена по программе НИР ИЭА РАН
«Гендерные исследования: социально-исторические и
культурно-антропологические перспективы»*

Ответственный редактор
доктор исторических наук М.М. Керимова

Рецензенты
доктор исторических наук Г.Г. Ершова
доктор исторических наук М.Г. Котовская

Ш 18 Шалыгина Н.В. Русские американцы: Поиск новых идентичностей / отв. ред. М.М. Керимова. М.: ИЭА РАН, 2021. 390 с., ил.

ISBN 978-5-4211-0277-9

В монографии освещаются проблемы трансформации этнокультурной идентичности русскоязычных иммигрантов США (1990–2020-е годы). Книга основана на результатах полевых исследований, проводившихся автором в США, а также анализе нарративных документов (писем, автобиографий, СМИ, интернет-ресурсов и т.п.) и статистических материалов. В монографии рассматриваются изменения языковой идентичности иммигрантов, дается оценка перспектив идентификации иммигрантов с Русским миром в США. В книге приводится анализ адаптивных стратегий женщин-иммигранток, их влияния на формирование новой идентичности русскоязычной диаспоры в США. Кроме того, исследуются пути формирования этнокультурной идентичности наиболее многочисленных групп русскоязычных иммигрантов в США (русских, евреев и украинцев).

Книга будет интересна этнологам, антропологам, специалистам в области новейшей истории США, проблем миграций, а также широкому кругу читателей.

УДК 394.014+316.48
ББК 74.005.2+63.3

ISBN 978-5-4211-0277-9

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2021
© Шалыгина Н.В., 2021
© Орлова Е.В., 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	
Кто такие русские американцы?	5
Глава 1. Теоретические подходы к изучению современных миграций	13
Миграциология в эпоху глобализации	13
Традиции и инновации методологии изучения современных миграций	36
Источники и методы изучения русскоязычной иммиграции в США	44
Глава 2. Факторы формирования новой культурной компетенции русских американцев	65
Ментальные границы межкультурного взаимопонимания	66
Лингвокультурный код как основа самоидентификации в иммиграции	74
Дихотомии российско-американских коммуникаций	91
Глава 3. Женские сценарии адаптации россиянок в США. Ресурсы и возможности	112
Метаморфозы социального лифта («только для женщин»)	114
Основные составляющие успеха современных россиянок в США	131
Спуглеры Кремниевой долины (не только про женщин)	143
Цифровое кочевничество как образ жизни молодых россиянок в США	154

Глава 4. Этнокультурная идентичность новых русских американцев: похожая непохожесть	169
Кого объединяет русский язык в США?	173
Дiasпора и ее роль в иммиграции	184
Конструирование Русского мира в современных США (действие и противодействие)	191
Сила и слабость украинской диаспоры в США	255
Еврейская филантропия как механизм сохранения идентичности иммигрантов	295
Заключение	
Русский мир вчера, сегодня, завтра, или потерянная идентичность	326
Conclusion	
Russian World in the USA Yesterday, Today, Tomorrow, or Lost Identity	340
Литература и источники	352
Приложение	
Русский мир вне России (экспертная оценка)	380

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кто такие русские американцы?

Идея создания этой монографии родилась как желание ответить на множество спорных вопросов, которые не перестают волновать наших соотечественников в связи с продолжающимся переселением их родных, друзей и знакомых на постоянное место жительства в США. По одну сторону баррикад устойчивую оборону держат те, кто искренне считает переезд за океан лучшим решением большинства своих проблем, связанных с достижением жизненного успеха, полноценной самореализацией, профессиональным ростом, обеспечением будущего детей, благополучием повседневной жизни и т.п. По другую сторону оказываются скептики, откровенно сомневающиеся в преимуществах американского образа жизни и его «пригодности» для российского менталитета.

Противостояние двух таких полярных точек зрения сохраняет свой накал уже не одно десятилетие, причем не только в российском обществе, но и среди сообщества самих русскоязычных иммигрантов, обосновавшихся в США еще в начале 1990-х годов. Немалая доля тех, кто переезжает жить в США и сегодня, точно также, как и их предшественники, рано или поздно начинают задавать себе вопрос о приемлемости для них американского образа жизни и возможности сохранения в его рамках своих собственных культурных основ. Ничего нового, кстати, в такого рода иммигрантских рефлексиях нет — в США уже минимум полвека, с 1970-х годов, «не работает» модель «плавильного котла», уравнивавшая всех американских граждан в единой национальной идентичности. Сегодня Америка, как классическая иммигрантская страна, живет по принципу «миски салата», когда большинство населения прежде всего идентифицирует себя с той или иной этнической общностью, а уж потом — с американской нацией.

Однако последние три десятилетия для русскоязычного населения США проблема самоидентификации в условиях иммигра-

ции приобрела еще один уровень актуальности, связанный с недавней (по историческим меркам) принадлежностью к советской нации. Сложное переплетение одновременно нескольких идентичностей (этнической, общероссийской и советской) затрудняет понимание адаптационного ресурса бывших россиян в США, делает его противоречивым и труднопредсказуемым. Тем не менее опыт первой постсоветской волны русскоязычной иммиграции в США начала 1990-х годов — это уже состоявшаяся реальность, которая позволяет на современном этапе понять определенные закономерности и тенденции вживания наших соотечественников в новую для них американскую действительность. Именно вживания, то есть опыта личного освоения отдельными людьми окружающего пространства на уровне повседневных практик, индивидуальных реакций, эмоционального восприятия, переживания обыденных фактов и мелких, частных событий, бытовых проблем в самом широком контексте.

Разобраться в том, какая жизнь в реальности ожидает на американской земле «вновь прибывших», представляет для них, мягко говоря, весьма непростую задачу со многими неизвестными, что делает прогноз успешной адаптации практически непредсказуемым. Тем более если речь идет о практиках повседневной жизни, составляющих львиную долю забот иммигрантов в процессе устройства на новом месте и во многом предопределяющих сам алгоритм дальнейшей адаптации.

Несмотря на то что речь в книге пойдет о постсоветских иммигрантах, то есть о тех, кто переехал на постоянное жительство в США уже после распада СССР в 1991 г., их нельзя отнести к одному потоку переселенцев или, как принято говорить в науке об иммиграции, к одной волне. Если счет иммиграционным волнам русскоязычного населения в США вести с самого начала, то на сегодняшний день их можно насчитать уже пять, хотя по этому поводу и высказываются различные точки зрения. Например, сохраняется некоторая неопределенность относительно первой волны русскоязычной миграции. Часть исследователей полагает, что начало массовой миграции русскоязычного населения в США следует относить еще к дореволюционному времени, когда ос-

новным мотивом для переезда стало так называемое противостояние русификации среди населения Западной Украины (Карпатская Русь), евреев и духоборов. Численность этой категории русскоязычных иммигрантов в США в тот период составила около 3 млн человек.

Сторонники другой точки зрения настаивают на том, что *первой миграционной волной* следует считать период после революции 1917 г. в России. Чаще всего эту волну так и называют — *послереволюционная*, т.к. часть русской интеллигенции, буржуазии и армии отказалась принимать новое государственное устройство страны и неприемлемые для них в рамках этой государственности ценности. Послереволюционная волна русскоязычной миграции за океан оказалась весьма многочисленной и шла по трем направлениям: с Юга России (через Константинополь и Балканы), с Востока России (через Харбин, Китай) и с Запада России (через Польшу, Финляндию, Латвию, Литву, Эстонию и Западную Украину). Потомки этой послереволюционной волны, до сегодняшнего дня составляющие остов русскоязычной иммиграции в США, апеллируют к ценностям монархического государства.

Хронологические рамки *второй волны* особых разногласий среди исследователей не вызывают. Условно эту волну нередко называют *вынужденной или интернистской*, так как основной ее контингент составили советские граждане, интернированные фашистской Германией во время Великой Отечественной войны, а также те, кто вынужден был бежать из СССР с отступающими немецкими войсками (в основном это были лица, перешедшие на сторону противника и служившие в рядах «Русской освободительной армии», власовцы). Конечной целью русскоязычных граждан, составивших основной контингент второй миграционной волны, была не Европа, разрушенная Второй мировой войной, а Соединенные Штаты Америки, готовые не только поглотить разношерстную эмигрантскую публику, но и не предъявлять к ней особых требований. Идеологический императив представителей этой волны был откровенно ориентирован на отторжение советского образа жизни и категорически не допускал возвращения к ценностным нормативам советского государства в целом. К этой волне примкнули и так называемые *храмостроители*, то

есть православные верующие, испытывавшие дискомфорт от общения с советской властью и решившие обрести свободу вероисповедания за океаном.

Третья, наиболее многочисленная волна зародилась в 1960-е годы. В основном она была представлена лицами еврейской национальности. Пики выездов из бывшего СССР в США этой категории приходится на 1979 г. (51 тыс. человек) и 1989 г. (71 тыс. человек). В связи с реальной угрозой перегрузки федерального бюджета расходами на прием беженцев из СССР администрация США в 1990 г. была вынуждена ввести квоту на въезд из Советского Союза по так называемой визе беженцев, установив потолок в 50 тыс. человек в год. В 1991 г. квота, по решению президента и конгресса США, была увеличена до 62 тыс. человек. Снижение темпов эмиграции, по мнению российских исследователей, было обусловлено либерализацией политического режима в СССР и связанным с этим ужесточением американских критериев понятия «политический беженец», а также переориентацией потока выезжающих на Израиль.

Что же касается двух последующих иммиграционных волн, начавшихся в 1990-е годы и продолжающихся до сегодняшнего дня, то каждая из них, по сути, отражает различные исторические периоды развития российского государства после прекращения существования СССР. *Четвертая волна* охватывает период с начала 1990-х и до начала 2000-х годов, самое сложное время становления новой России и бывших республик некогда единого государства. К сожалению, даже по прошествии 30 лет представление об истинных размерах этой волны, о соотношении и динамике ее отдельных потоков, включая «утечку умов», массовую женскую и бизнес-эмиграцию, фактически отсутствует.

Одной из причин такого положения дел является состояние отечественного статистического учета в 1990-х годах, когда регистрировались только легальные выезды российских граждан на постоянное место жительства (ПМЖ) в другие страны, включая США. Лица же, выезжающие по таким формально легальным каналам, как туризм, временные трудовые контракты, приглашения на учебу, деловые поездки, но с конечной целью остаться за ру-

бежом, российскими официальными службами попросту не учитывались. Поэтому те, кто собирался покинуть Россию на несколько лет или даже навсегда, вполне обходились без соответствующего оформления — многим оно и не было нужно, поскольку отсутствие в стране в течение неопределенного времени позволяло сохранить в России жилье, часто — место работы или учебы и, в конечном счете, обезопасить себя от возможных рисков, связанных с эмиграцией. По собственному признанию тогдашнего руководителя отдела статистики текущего учета населения Росстата М. Рахманиновой, число уезжающих из России трудно поддается точному исчислению.

Не менее значимой причиной недостаточного статистического учета выезжающих из России в США граждан можно считать и особенности американских методов подсчета количества иммигрантов. В американских статистических изданиях, содержащих информацию по иммиграции, основной характеристикой происхождения иммигранта является не страна предыдущего места жительства, а место рождения. Сравнивая эти данные для СССР за 1991–1998 гг., можно увидеть, что число иммигрантов, родившихся в бывших союзных республиках, на 10% больше числа иммигрантов, прибывших с их территории. Однако приехавшие из зарубежья, в конечном счете, «улавливаются» иммиграционной статистикой США — попадают в экспертные оценки или выборочные обследования, об их численности становится известно, например, благодаря амнистиям или переписям населения. Косвенные системы подсчета в США с 1992 г. позволяют получить данные об иммигрантах еврейского, русского, украинского, белорусского, армянского происхождения — выходцах из бывшего СССР.

Полученные на основании статистических показателей данные об иммигрантах четвертой волны можно свести к нескольким характеристикам.

Во-первых, сугубо этнический характер начальной фазы этой волны, когда иммигранты уже не идентифицировали себя как советские граждане, а лишь исключительно как граждане суверенных стран, некогда составлявших Советский Союз. К середине

1990-х годов по ежегодному числу иммигрантов бывшие союзные республики занимали 2-е место в США после Мексики. Всего в США за период с 1990 по 1998 г., по данным американской статистики, насчитывалось более 450 тыс. иммигрантов из бывшего СССР, что составляет 5% от общего числа зарегистрированных иммигрантов в США за этот период.

Во-вторых, большинство российских граждан покидали страну на добровольных началах, нередко сохраняя при этом гражданство, юридические права, имущество и профессионально-деловые отношения. Правда, говорить о полной добровольности все же не приходится, так как одни уезжали за рубеж от нищеты, ради куска хлеба, другие стремились обезопасить свои капиталы, спасаясь от последствий (зачастую кровавых) передела собственности.

В-третьих, отмечается высокий интеллектуальный уровень этой волны иммигрантов, что нередко связывается с таким явлением, как массовая «утечка мозгов». По оценке ректора МГУ В.А. Садовниченко, только за 1990-е годы Россия утратила треть своего интеллектуального потенциала, и эти потери продолжают нарастать. Произошла, по сути дела, «пересадка» на Запад ряда научных школ, и многие считают эту утрату невосполнимой, сопоставляя ее с потерями для отечественной науки и культуры от первой волны эмиграции. Только если в первую волну основу научной эмиграции из послереволюционной России составляли преимущественно гуманитарии, то в четвертой волне преобладали представители точных и естественных наук, получившие советское образование и профессионально состоявшиеся в своей стране. С известной долей неопределенности можно считать, что в период с 1990 по 2000 г. из России выехало около 1 млн человек. При этом каждый пятый эмигрант имел высшее образование или ученую степень.

В-четвертых, в 1990-е годы отмечена никогда ранее не существовавшая массовая женская эмиграция. Помимо выездов за рубеж в составе семей или в связи с воссоединением семей, появились самостоятельные потоки, в том числе так называемый трафик женщин в качестве новейшей формы фактической торговли

людьми. Особую проблему представляет судьба тех, кто попадает в этот бизнес не по своей воле, а в силу нелегального или полуплегалного статуса и связанного с ним бесправия, незнания языка и законов страны пребывания, кто становится жертвой недобросовестных фирм по трудоустройству или криминальных структур. Вместе с тем, по данным МИД РФ, не менее 50% занятых в сфере «интимных услуг» соглашаются на это вполне осознанно и добровольно. Немалый размах получил и «экспорт невест».

В-пятых, организованный характер так называемой безвозвратной иммиграции, когда американские компании и разного рода фонды получают право отбирать кандидатов из числа студентов старших курсов ведущих вузов страны. Формируется разветвленная сеть представительств иностранных университетов, НПО и корпораций, занятых вербовкой как лучшей студенческой молодежи, так и более зрелых специалистов.

Достоверная и подкрепленная объективными данными информация является лучшей гарантией для будущих эмигрантов, которые в 1990-х годах, по сути, формировали свою выездную мотивацию почти исключительно на основе слухов (этой теме посвящен соответствующий раздел в монографии). К началу 2000-х годов Министерство внутренней безопасности США стало отслеживать распространение слухов и, кроме этого, предоставлять довольно подробную статистику по вопросам иммиграции и гражданства. Стремительное развитие Интернета фактически начало обеспечивать желающих уехать на ПМЖ в США (или в любую другую страну) не только достаточным, но и просто избыточным количеством информации. Другое дело, что интернет-информация для будущих эмигрантов, как правило, носит рекламный характер и не отражает реального положения дел по ту сторону океана. Хочется надеяться, что данная монография, основанная, прежде всего, на результатах включенного наблюдения автора, а также на материалах интервьюирования и анкетирования уже состоявшихся участников миграционного процесса, поможет тем, кто задумывается об эмиграции в США, выработать наиболее адекватную стратегию и сохранить «баланс идентичностей» в иммиграции.

В первую очередь эта книга адресована молодежи, которая, не имея сегодня каких-либо серьезных пространственных ограничений и располагая практически неограниченной свободой действий в построении своих жизненных стратегий, готова рассматривать вариант эмиграции как оптимальный. Последние опросы показывают, что российская молодежь по-прежнему стремится уехать из России в США, несмотря на то что имидж американского образа жизни за последние годы заметно утратил свою позолоту. Конечно, мотивация молодежи, планирующей сегодня отъезд в США, сильно отличается от той, которая лежала в основе эмигрантских настроений 1990-х годов. Нынешняя молодежь, скорее, ориентирована не на полноценную интеграцию в американское общество, а на рациональное использование социально-экономического ресурса США для собственной самореализации в этой стране и обретение принципиально новой идентичности, достаточно условно связанной с этнокультурной принадлежностью. Пока это всего лишь гипотеза. Но именно это поколение миллениалов, чья ментальность формируется преимущественно в глобальной технократической среде, сегодня принято называть ядром пятой волны русскоязычной иммиграции в США. И именно этому поколению предстоит решать, каким будет «русский мир» на американской земле в ближайшем будущем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русский мир в США вчера, сегодня, завтра, или потерянная идентичность

Подводя итог изложенному в книге материалу, хотелось бы прийти к заключению, что поиски русскоязычными иммигрантами своей новой идентичности в США увенчались успехом, ими найдена если не точка опоры, позволяющая человеку в принципиально новой для него социокультурной среде ощущать себя уверенно и комфортно, то хотя бы компромисс между этой средой и собственным мироощущением. Однако, как показало проведенное исследование, простых решений такой сложной проблемы, как смена иммигрантами своей идентичности, не бывает. Одним из очевидных итогов следует, по-видимому, признать тот факт, что все поставленные вначале вопросы, по мере развития темы, скорее, обретали дополнительную глубину и новые смыслы, чем получали ясные и однозначные ответы. Тем не менее выявление неких закономерностей, структурирующих наше понимание процесса смены идентичности в условиях современных миграций, также можно считать продуктивным результатом, дающим возможность развивать дальнейшие исследования в этой области.

Основной гипотезой монографического исследования стало предположение о взаимозависимости между самоидентификацией русскоязычных иммигрантов разных поколений в США и их адаптивным потенциалом. Поколенческий водораздел обозначен двумя последними волнами эмигрантов из бывшего СССР — четвертой (1990-е — начало 2000-х годов) и пятой (2000–2020-е годы). Каждая из этих двух волн отражает особенности определенного периода в новейшей истории России, но и та, и другая являются результатом тектонических изменений конца 1980-х — начала 1990-х годов в социально-экономической и политической структуре страны. Одна из исследовательских задач состояла в том, чтобы выявить основные факторы, влияющие на идентификационные маркеры представителей каждой из двух постсоветских иммиграционных волн в США и сравнить их между собой.

Таким образом предполагалось установить динамику тех изменений, которые характерны для современного этапа развития русскоязычного сообщества в США, выявить закономерности этого процесса и его перспективы на ближайшее будущее.

Решение поставленных задач виделось в контексте более глобального дискурса, имеющего отношение к проблемам Русского мира в США на современном этапе. Одна из основных целей данного монографического исследования — найти ответ на сложнейшие вопросы, связанные с определениями самого понятия «Русский мир» или его интерпретациями. Если говорить корректнее, то задача состояла в том, чтобы понять условия, при которых можно было бы вести речь о существовании Русского мира в США, о наличии у него особого этнокультурного кода, обозначающего определенную систему ценностей и обладающего способностью к их объединению. Кардинальная смена этнокультурной идентичности у молодых поколений русскоязычных иммигрантов в Америке, безусловно, означала бы и потерю самой основы для развития Русского мира за океаном, и превращение того огромного культурного наследия, которое исторически связано с этим понятием, в музейный артефакт.

В качестве наиболее значимых скреп, дающих возможность говорить о существовании ценностной системы Русского мира в США, в проведенном исследовании были выделены, прежде всего, русский язык и этническое самосознание. Однако, учитывая реалии сегодняшнего дня, к основным идентификаторам ценностной системы Русского мира был добавлен и гендерный фактор, который в современном мире за последние годы приобрел приоритетную аксиологическую нагрузку. От того, насколько и каким образом в США трансформируются традиционные полоролевые отношения русскоязычных иммигрантов, нередко зависят не только сценарий их адаптации, но и формирование новой идентичности.

Само понятие «идентичность» в монографии рассматривалось на основе междисциплинарного подхода. Учитывались как культурологические, так и психологические, этнологические или социологические дефиниции данного феномена. В главе, посвя-

щенной лингвокультурным трансформациям, формирование новой языковой идентичности в среде русскоязычных иммигрантов США анализировалось с позиций более общей понятийной категории, обозначаемой в межкультурных коммуникациях как «культурная компетенция». Суть термина заключается в том, что в условиях иммиграции усвоение нового языка сопряжено с изменением восприятия многих составляющих другой культуры, включая и такие ее элементы, как иной стиль поведения, алгоритмы повседневной жизни, нормы общения и т.п. Вновь обретаемая иммигрантами культурная компетенция, в свою очередь, формирует и новые когнитивные особенности, которые в итоге влияют на изменение мировосприятия в целом.

Но в случае с русскоязычными иммигрантами 1990-х годов ситуация формирования новой культурной компетенции в США выглядит несколько иначе. Между американцами и русскоязычными иммигрантами существует достаточно большая «культурная дистанция» (термин голландского социального антрополога Г. Хофстеде [Hofstede 1984]), которая первыми игнорируется, а вторыми, напротив, воспринимается как вызов и посыл к активному действию. Если большинство американцев не считают необходимым изучать другие языки, полагая, что английский является универсальным средством коммуникации во всем мире, то русскоязычные иммигранты, стремясь как можно быстрее освоить английский язык и все, что связано с новой для них языковой культурой, достаточно быстро расширяют собственное мировосприятие и когнитивные возможности. В итоге русскоязычные иммигранты в США получают немалое коммуникативное преимущество в виде двуязычия и постепенного накопления знаний о не родной для них культуре. Однако такие вроде бы очевидные преимущества представителями четвертой волны русскоязычной иммиграции не всегда осознавались и, как следствие, не использовались на практике. Стремясь к полноценному статусу американского гражданина часть поколения постсоветских иммигрантов 1990-х годов отказывалась от всего, что было связано с их «родной» этничностью. В итоге в той или иной степени происходило переформатирование менталитета иммигранта, ведущее к неизбежной утере им собственной этнокультурной идентичности.

Что касается американского менталитета, в монографии обозначены основные позиции, характеризующие его становление в процессе складывания самой американской нации:

- принципы консенсусного развития;
- абсолютизация исторического пути;
- господство демократии среднего класса;
- мессианское предназначение (предначертанность судьбы и миссии спасения мира);
- концепция исключительности;
- возрождение принципов Римской республики в новых условиях;
- приоритет «провидческой» идеи;
- удачный исторический «эксперимент».

Перечисленные ментальные основы американской нации сформировали ее лингвокультурный код, который в абсолютном большинстве случаев не поддавался полноценному усвоению русскоязычными иммигрантами. Возникали такие объективные трудности, как дисбаланс объемов информации о своей и «не своей» культуре, разность когнитивных структур, несовпадение привычных, стереотипных действий, качество культурной памяти и т.п. Ситуация «вхождения» в американскую культуру через усвоение ее лингвокультурного кода осложнялась и тем, что возникающие трудности фактически не осознавались иммигрантами и не вызывали каких-либо когнитивных рефлексий. В результате усиливались ностальгические чувства, которые чаще всего «гасились» привычными для советского менталитета «кухонными посиделками», но не облегчали «вхождение» в новую культурную среду.

Однако подобного рода адаптация в большей степени была характерна для поколения четвертой волны русскоязычных иммигрантов, чаще всего изначально не владевших в должной мере английским языком и не имевших адекватного представления об американской культуре. В монографии подчеркивается мифологизация американского образа жизни, особенно характерная для начала постсоветской эпохи и вполне профессионально поддержанная средствами массовой информации, как американскими,

так и собственными российскими. Миф о «заокеанской синекуре» для русскоязычных иммигрантов 1990-х годов стал одним из факторов не критичного и необъективного восприятия Америки и в результате замедлил формирование у них новой культурной компетенции.

В отличие от первой постсоветской волны русскоязычной иммиграции, представители пятой волны, значительную часть которых составляет достаточно амбициозная молодежь, имеющая вполне осознанное целеполагание, ориентируются уже не на рекламируемые преимущества социальной политики в США, а на ресурсы этой страны для собственной самореализации. Высокий уровень англоязычной подготовки, обеспеченный, в том числе и новой, постсоветской реальностью в бывших республиках Советского Союза, в значительной мере облегчал не только адаптацию пятой волны в США (структурная ассимиляция), но и позволял стать частью американской культуры в целом.

Но стать частью американской культуры совсем не означает «стать американцем», т.е. обрести новую идентичность. Можно выделить как минимум три причины, которые препятствуют молодым поколениям пятой волны в США обрести новую для себя американскую идентичность: во-первых, отсутствие самой установки «стать американцем», что в немалой степени связано с космополитизмом новых поколений молодежи; во-вторых, приоритет профессиональных ориентаций, по сравнению с социокультурными и этнокультурными; в-третьих, редуцированная архетипичность сознания, усиленная, в том числе, и возрождением интереса к потенциалу Русского мира.

Качественный анализ нарративных источников, использованный в монографическом исследовании, позволил прийти к выводу о сохранении в молодежном сознании представителей пятого поколения этнически русских иммигрантов США таких архетипов сознания, как, например:

- открытость другим культурам;
- склонность к правдоискательству и стихийному нигилизму;
- отсутствие чувства национального превосходства;

- способность к быстрой психоэнергетической мобилизации (за что русских особенно ценят в «айтишной» сфере Кремниевой долины);
- общинность и стремление к коллективизму;
- «анархическое свободолюбие» (Н.А. Бердяев);
- реформаторство «по-русски» (не заимствование западных ценностей в чистом виде, а стремление к изменениям при условии сохранения своих традиций);
- «футуроориентация» сознания (ориентация на будущее);
- стирание граней между личным и общественным.

Трудно сказать, насколько (и все ли) перечисленные качества стали частью общесоветского сознания россиян, не относящихся к собственно русскому этносу. Но, как показало пролонгированное включенное наблюдение, проводившееся автором на территории нескольких американских штатов в середине 2000-х годов, поведенческие стереотипы русскоязычных иммигрантов пятой волны в США содержали в себе и вполне узнаваемый отпечаток «русскости», хотя и не акцентированный.

С позиции законов межкультурных коммуникаций редуцированная архетипичность русскоязычных иммигрантов США лежит в основе асимметрий (дихотомий) многих российско-американских коммуникативных стратегий, что можно считать одним из наиболее серьезных факторов, не допускающих установления полноценного взаимопонимания между американцами и россиянами и в перспективе смены социокультурной идентичности последних. К таким дихотомиям, в первую очередь, относятся асимметрия рационального/эмоционального, индивидуального/коллективного и стихийного/планового, которые являются одними из наиболее заметных и ярко проявляющихся при общении русскоязычных иммигрантов с носителями американского английского языка. Но есть и более скрытые социокультурные дихотомии, которые гораздо менее очевидны в повседневном общении, но которые оказывают значительно более глубокое влияние на самоидентификацию иммигрантов и относятся к категории так называемых гендерных асимметрий.

Монографическое исследование включает в себя анализ нескольких гендерных асимметрий, так или иначе затрагивающих

различные сферы повседневной жизни русскоязычных иммигрантов США. Наиболее очевидным проявлением гендерных асимметрий как в русскоязычной, так и в американской культуре является соотношение понятий мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности). Однако в США это соотношение намного более динамично, чем в России, нередко подвержено радикальным изменениям и непосредственно связано с социокультурным развитием всего американского общества. Детонатором гендерной динамики в США уже несколько десятилетий являются влиятельные направления феминистских движений, реконструирующие традиционные границы маскулинности и фемининности как в самой американской реальности, так и далеко за ее пределами, по сути, определяя новые параметры этих понятий для всего мира.

Тем не менее скорость гендерных изменений в современной Америке, как показало данное монографическое исследование, не является провоцирующим фактором, способным сломать традиционность соотношения мужского и женского в поведенческих моделях русскоязычных иммигрантов. Несмотря на лояльность по отношению к «гендерным экзерсисам» в современной американской культуре, русскоязычные иммигранты двух постсоветских волн не склонны, образно говоря, пересекать «красную линию» и присоединяться к радикальным формам гендерных отношений в формате квир-теорий и харассмента. Этот факт подтверждают многочисленные нарративные интернет-материалы, приводимые в тексте монографии. Принятые в США модели мужского поведения чаще всего не находят понимания у русскоязычных иммигранток и в результате провоцируют новую цепочку недоразумений и межкультурного непонимания.

Проблемы гендерной асимметрии в отношениях русскоязычных иммигрантов и американцев рассмотрены и при проведении анализа адаптивных стратегий русскоязычных женщин в США, чему посвящена отдельная глава монографии. Каждый из женских сценариев самореализации в США имеет в виду субъективное целеполагание женщин, коллизии их «вживания в новую среду обитания», ту или иную коммуникативную тактику как

внутри диаспоры, так и за ее пределами, обустройство повседневной жизни, построение планов на будущее и т.д. В результате проведенного анализа адаптивных сценариев русскоязычных женщин-иммигранток в США были выделены несколько основных категорий таких сценариев:

- успешная профессиональная самореализация;
- вынужденная самореализация;
- приспособленческая самореализация (стратегия *спуглов*, или жен программистов);
- самореализация по типу «цифровых кочевников» («digital nomads»), не ориентированная на оседлую жизнь.

Каждый из приведенных сценариев самореализации формирует собственную женскую идентичность, которая, в первую очередь, ориентирована на актуализацию личностной самости и, уже в зависимости от этого, согласуется или не согласуется с выстраиванием гендерных отношений. В итоге можно сказать, что в поисках своей новой идентичности русскоязычные женщины-иммигрантки в США достаточно легко преодолевают барьеры традиционалистских гендерных отношений и начинают ориентироваться на ту модель полоролевого поведения, которая характерна для современного американского общества — приоритет женщин в браке, семье и на работе. Кроме того, следует особо подчеркнуть, что именно полоролевая модель социального поведения является одной из наиболее динамичных в процессе трансформации новых идентичностей женщин-иммигранток (за исключением, как уже было сказано, радикальных вариантов квир-сексуальных отношений).

С позиций философской антропологии достаточно быстрый и очевидный переход женщин-иммигранток к американским моделям социального поведения в полоролевой сфере сопряжен с общемировыми тенденциями постепенного отказа от эссенциалистских позиций изучения природы человека как вечной, неизменной сущности и обращения к более конструктивному объяснению ее эволюционных изменений. С начала XXI в. так называемому фундированному биоконсерватизму, «обеспокоенному» возможным биотехнологическим изменением человека (Ю. Ха-

бермас), начинает активно противопоставляться антиэссенциалистская антропология трансгуманизма, считающая естественным явлением радикальную трансформацию человеческой природы. При этом чаще всего не принимается во внимание тот факт, что и сам эссенциализм способен к трансформациям (философский закон «исключенного третьего»), постепенно обретая формат неклассического эссенциализма (Э. Гуссерль).

Согласно основным концептам неклассического эссенциализма, природа человека находится в постоянном развитии, в силу чего противопоставление биоконсерватизма и трансгуманизма становится, по сути, бессмысленным. Поэтому в современном антропологическом дискурсе более актуальным является тезис о конвергенции концептуальных положений эссенциализма и антиэссенциализма, которые представляют собой крайние точки единого ценностного континуума знания о человеческой природе, но постепенно сближаются (биологический подход) или даже начинают взаимодействовать между собой (философский подход). Например, неклассический эссенциализм «соглашается» учитывать индивидуальное в процессе исторического развития человеческой природы, а антиэссенциализм признает наличие общего у неповторимых индивидуальностей. Или: с позиций неклассического эссенциализма, человек — это динамическая константа, а с позиций антиэссенциализма, человек — это материал, который приспособливается к изменениям социокультурного окружения.

Конвергенция двух противостоящих друг другу философских позиций, оценивающих происходящие сегодня изменения в природе человека, позволяют по-новому взглянуть, в том числе и на динамику гендерных отношений в условиях иммиграции, когда принимающая страна придерживается постмодернистской позиции по поводу распределения полоролевых функций в современном мире (антиэссенциализм), а сами иммигранты имеют в своем багаже достаточно прочный запас традиционных для их культуры представлений, включая представления о полоролевых функциях. Насколько возможно сближение между двумя принципиально различающимися между собой системами взглядов, в

какой-то мере, как уже было сказано, удалось проследить на нарративном материале русскоязычных иммигрантов в США. Но дальнейший дрейф гендерной идентичности русскоязычных иммигрантов четвертой и пятой волн в сторону радикальных моделей полоролевых отношений, характерных для сегодняшней американской действительности, в ближайшее время представляется маловероятным, учитывая достаточно прочные позиции традиционных ценностей их менталитета.

Проблемы трансформации этнической самоидентификации русскоязычной иммиграции в США в монографии представлены дифференцированно — собственно русские, украинцы, евреи. До последнего времени русскоязычная иммиграция в США чаще всего изучалась преимущественно как «русская» иммиграция и затрагивала в основном вопросы, касающиеся предыдущих иммиграционных волн. Сравнительная характеристика трех наиболее многочисленных этнических общностей современной русскоязычной иммигрантской среды США приводится в данной монографии впервые. Сегодняшняя ситуация с русскоязычной диаспорой развивается в принципиально новой геополитической обстановке, поэтому ее рассмотрение потребовало и иной постановки проблем. Основная исследовательская задача заключалась в том, чтобы попытаться выявить не только различия в адаптивном потенциале русских, украинцев и евреев в современной Америке, но и понять тенденции эволюции их идентичности в инокультурной среде, попытаться проанализировать, как складываются взаимоотношения бывших соотечественников в условиях иммиграции и какое значение для них имеет понятие Русского мира за рубежом.

С точки зрения инструменталистского подхода к пониманию этничности, различия между всеми тремя группами русскоязычного сообщества в новых условиях могли послужить основой для целенаправленной «отстройки» от советского бэкграунда и усиления собственной этнокультурной идентичности в США. С другой стороны, согласно конструктивистской концепции понимания этничности, каждая из этнических общин, составлявших в недалеком историческом прошлом население бывшего Совет-

ского Союза, имела собственный алгоритм вхождения в американское общество и представление о новой американской идентичности, достигаемой, в том числе и с помощью своих целенаправленных усилий. Однако оба сценария не носят взаимоисключающего характера и вполне могли пересекаться между собой, создавая принципиально новый фон и для других вариантов формирования этнической идентичности в условиях иммиграции.

Поставленные проблемы были изучены на обширном материале жизнедеятельности каждой из трех этнических категорий русскоязычного сообщества в США за последние 30 лет, с момента начала постсоветской эмиграции. В итоге удалось выяснить, что формирование собственно русской диаспоры в современных США основано на активной деятельности многочисленных общественных организаций, число которых постоянно увеличивается (культурные центры, русские школы, лингвистические курсы всех уровней по изучению русского языка и т.п.). Наиболее заметными инновациями в этой сфере стали регулярно проводимые мероприятия по вовлечению молодежи в культурно-образовательную деятельность русской общины, организация крупных акций не только по объединению русскоязычного сообщества США, но и включению в сферу его интересов американской молодежи, а также представителей других представителей населения США, заинтересованных в изучении русского языка и русской культуры.

Реакция на оживление деятельности русской общины в Америке со стороны государственных структур была неоднозначной как со стороны самой России, так и со стороны США. В 1990-х годах особую активность по поддержке культурных мероприятий и изучения русского языка проявляли институциональные структуры США, размещавшие так называемые русские программы, в том числе на радио, телевидении и в других средствах массовой информации, а также предоставлявшие широкие возможности проведения русской общиной мероприятий на муниципальном уровне. Что касается ощутимой поддержки русской общины в США со стороны российских официальных структур, то она стала особенно заметной с начала 2000-х годов, когда к органи-

зации проводимых в США русскоязычных мероприятий полноценно подключились представители Посольства России в США, Генерального консульства России в Нью-Йорке, Постоянного представительства России при ООН, Правительства Москвы и Московского Дома соотечественника, а также Представительство Московской патриархии в Нью-Йорке. Государственная поддержка со стороны России чаще всего осуществлялась через наиболее активные общественные организации русской общины в США, такие как РАКСИ, возглавляемый О. Зацепиной, и Координационный совет организаций русских соотечественников (КСОРС), которым до недавнего времени руководила Н. Сабельник. Однако незадолго до заключительного этапа работы над этой книгой КСОРС приостановил свою работу «из-за беспрецедентного давления со стороны официальных структур США», как сообщалось в ноябре 2021 г. на сайте этой общественной организации. Следует заметить, что и КСОРС, и РАКСИ являются сугубо неформальными организациями, не имеющими отношения к внутривнутриполитическим проблемам США. Но, как считает Н. Сабельник, начиная с середины второго десятилетия XXI в. и кардинального изменения геополитической обстановки в мире, деятельность этих организаций не только перестала поддерживаться США, но и фактически разделила саму русскую общину в Америке на два противоборствующих лагеря. Учитывая эти факты, ближайшее будущее русских общин в США пока остается под вопросом.

Что касается украинской общины, то ее формальный статус в Америке выглядит более устойчивым, т.к. стабильно поддерживается, прежде всего, самими США. Деятельность украинских общин (как и русских) на протяжении всего времени своего существования в Америке была неразрывно связана с издательским делом, значение которого трудно переоценить в вопросе становления литературного украинского языка в новых условиях и этнической самоидентификации иммигрантов в целом. Но в настоящее время украинская периодика в США вынуждена менять свой профиль, отходить от тематики возрождения «украинства» как такового и ориентироваться на интересы новой иммигрантской молодежи, которая едет в США, скорее, не за поддержкой

своей украинской идентичности, а наоборот, конструктивной замены ее на американскую. Внушительный список успешных бизнесменов из Украины, приводимый в монографии, лишний раз подтверждает (как и включенное наблюдение автора) ориентацию молодых поколений украинских иммигрантов, в первую очередь, на деловую среду США и возможности самореализации на новом месте. И в этой связи хотелось бы особо подчеркнуть, что границы этнического для украинской молодежи в США практически стираются, ее обучение и профессиональная подготовка ведутся либо на русском (для «вновь прибывающих»), либо на английском языке. Интервью с молодыми украинцами, работающими в IT-сфере Кремниевой долины, также показали, что сегодня их интересует профессиональное становление в США, но завтра профессиональная локация может поменяться в зависимости от появления новых возможностей и проектов в других странах, включая Россию.

Наиболее аутентичная модель формирования этнической идентичности бывших советских граждан связана с еврейским сообществом в США. Специальный раздел монографии посвящен описанию традиционных для евреев форм благотворительности, как способа поддержания идентичности в иммигрантской среде. Однако для иммигрантов еврейской принадлежности, эмигрировавших из бывшего Советского Союза, большие проблемы возникают в связи с необходимостью в той или иной степени погружаться в изучение различных течений иудаизма, что является одним из условий вхождения в общинную инфраструктуру американских евреев. Сама еврейская диаспора в США в настоящее время проявляет гибкость в этом вопросе и предоставляет иммигрантам право самим выбирать то направление иудаизма, которое обеспечит им комфортное вхождение в общину. Сегодня такими направлениями чаще всего оказываются либо консервативный иудаизм, который допускает довольно широкое понимание компромисса между традиционным вероучением и современным его прочтением, либо конструктивистский иудаизм, дающий иммигранту, не очень сведущему в тонкостях иудейской веры, достаточно большую свободу выбора и возможность менять свои убеждения в зависимости от конкретных исторических условий,

места и времени. Формирование этнической идентичности постсоветских иммигрантов еврейского происхождения, таким образом, лишено в США какого-либо давления и принуждения, обеспечивая им в то же время лояльность и поддержку общины.

Заключая краткий обзор содержания монографии, хотелось бы все-таки еще раз привлечь внимание читателей к тому, насколько разнообразен и содержателен так называемый Русский мир в США, насколько богат и глубок потенциал его дальнейшего развития независимо от того, какого рода идентичности формируются сегодня в сознании его представителей.